

References

1. Alekseev N. N. Yevraziytsy i gosudarstvo [Eurasians and state]. *Mir Rossii. Yevraziya* [World of Russia. Eurasia], Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1995, pp. 185.
2. Karamzin N. M. *Zapiska o drevney i novoy Rossii v ee politicheskoy i grazhdanskoj otnosheniyakh* relations [Note on Ancient and Modern Russia in its political and civil], Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 35.
3. Kosov G. V. Stanovlenie grazhdanskogo obshchestva v Rossii: tsivilizatsionnyy i politologicheskij analiz [The Civil Society in Russia: civilization and political analysis], *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture], 2009, no. 4, pp. 8–15.
4. Leontev K. N. *Vostok, Rossiya i Slavyanstvo* [East, Russia and the Slavs], Moscow, Tipolitografiya I. N. Kushnareva Publ., 1885, vol. 1, pp. 167.
5. Popov G. V. Zachem Rossii byt velikoy [Why Russia to be a great]. *Nezavisimaya gazeta* [Independent Newspaper], March 29, 2000.
5. Tikhomirov L. A. Nachalo i kontsy. Liberaly i terroristy [The beginning or end. Liberals and terrorists]. *Kritika demokratiy* [Criticism of democracy], Moscow, Moskva Publ., 1997, pp. 78–79.
7. Chellen R. *Gosudarstvo kak forma zhizni* [State as a form of life], Moscow, ROSSPYeN publ., 2008, pp. 32.

**«ПОЛИТИЧЕСКАЯ НЕВИННОСТЬ» БЮРОКРАТИИ?
(О ТЕОРЕТИЧЕСКИХ СЛЕДСТВИЯХ МЕНЕДЖЕРИЗМА
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ)**

Бойцова Ольга Юрьевна, доктор политических наук, профессор

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, Российская Федерация, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, 27
E-mail: olga.boitsova@gmail.com

В данной статье рассматриваются теоретические основы и следствия управленческого подхода к трактовке политики, в соответствии с которым ее содержанием является рациональное, научно обоснованное действие по решению социальных проблем. Согласно менеджериству, политика, в зависимости от масштаба решаемых задач, понимается как администрирование либо как социальная инженерия. Рассматриваются теоретические различия в разных версиях менеджериства. В качестве важнейших общих оснований данного подхода указываются императивы рациональности, солидаризма и универсализма. Подчеркивается, что менеджериство, утверждая и всемерно продвигая идею утраты государством политического характера, концептуализирует его в качестве «сервисного института» – гаранта общего блага и представителя интереса всех граждан. В этом контексте принятие и реализация политических решений трактуются как научная, а не политическая процедура. Процессы социального регулирования выводятся из сферы противоборства между различными группами интересов в область строго научного исследования. А слой, ответственный за управление, оказывается «политически невинным» – ценностно нейтральным, действующим в интересах всего общества. В статье показывается теоретические следствия, вытекающие из данных установок, и анализируются внутренние противоречия тезиса о политической неангажированности рациональной бюрократии.

Ключевые слова: политическая мысль, политическая философия, политическая наука, рациональность, солидаризм, политика, управление, консенсус, политический выбор, легитимация, бюрократия

**HAS BUREAUCRACY «POLITICAL INNOCENCE»?
(ABOUT THE THEORETICAL CONCLUSIONS
OF MANAGEMENT APPROACH IN POLITICAL THOUGHT)**

Boytsova Olga Yu., D.Sc. (Political Sciences), Professor

Lomonosov Moscow State University
GSP-1, 27 Lomonosovskiy av., Moscow, 119991, Russian Federation
E-mail: olga.boitsova@gmail.com

The article considers the theoretical bases and consequences of management approach in the interpretation of the policy, under which its content is a rational, evidence-based action to solve social problems. According to management approach named "managerism", politics is understood as policy: either as the public administration or as social engineering. Discussing the theoretical differences between versions of the managerism, the article specifies as the most important grounds of this approach the imperatives of rationality, solidarity and universalism. Managerism, claiming and promoting the idea of a non-political nature of the State, understands it as "service institute", guaranteeing the common good and acting in the interest of all citizens. In this context, making policy is treated as scientific rather than political decision; the processes of social control are derived from the confrontation between different interests groups; layer, responsible for the management, is proclaimed as "politically innocent" — acting in the public interest. The article shows the theoretical investigation of management approach and the internal contradictions in the thesis of unpolitical nature of rational bureaucracy.

Keywords: political thought, political philosophy, political science, rationality, solidarity, politics, governance, consensus, political choices, legitimation, bureaucracy

Вопрос о политической нейтральности аппарата управления обсуждается различными дисциплинами – философией политики, политической наукой, теорией государства и права и пр. – не одно десятилетие. За это время сложились как базовые позиции в дискуссии, так и основные модели аргументации и контраргументации. Сегодня уже вполне оправданным представляется исследование истории становления и трансформации проблематики, анализ национальной специфики и выявление перспективных трендов этого диспута – все это, несомненно, имеет научный и практический интерес. Однако в данной статье указанные аспекты вынесены за скобки, поскольку внимание сфокусировано на более узкой (но от этого не менее важной) теме, а именно, – на теоретических выводах, вытекающих из применения принципов менеджизма к объяснению политики.

Для того, чтобы приступить к непосредственному рассмотрению данной проблемы, необходимо внести ясность в терминологию и сделать несколько важных оговорок.

Первое. Понятие «бюрократия» используется в классическом веберовском смысле – как институт управления, главной характеристикой которого служит рациональность, нацеленная на обеспечение максимальной эффективности решения задач, стоящих перед обществом. Сразу следует оговориться: поскольку детальный анализ бюрократии как таковой выходит за рамки темы, постольку более поздние трактовки и теории (Р. Мертона, А. Гоулднера, О. Тоффлера, А. Этциони и др.) остаются без рассмотрения.

Второе. Выражение «политическая невинность», вынесенное в заглавие, принадлежит Ю. Хабермасу [11, с. 62], который с определенной долей иронии употребляет его применительно к науке, выводимой некоторыми мыслителями из сферы политики. В том же значении – для обозначения ценностной и политической нейтральности – оно применяется и в этом тексте.

Третье. Формулировка «менеджизм в политической мысли» требует более развернутого пояснения. Прежде всего, очевидно, что в ее основе лежит понятие «менеджмент», которое изначально использовалось для определения научно обоснованного и потому оптимального с точки зрения эффективности способа хозяйствования, а в настоящее время обозначает как собственно управленческую деятельность, так и науку, изучающую ее принципы и законы [6, 8, 10, 13]. Применительно к политике, соответственно, употребляется понятие «политический менеджмент», объединяющее теорию и практику принятия политических решений, выработки и реализации политического курса. Помимо этого, управленческий аспект политики принято обозначать английским термином «policy», который на русском языке передается конструкцией «политика в области чего-то» (международного сотрудничества, партийного строительства, политического просвещения и т.п.). Его изучение составляет предмет особой дисциплины – «policy sciences», или «управленческие науки» [7, с. 527–622].

Следует особо подчеркнуть, что рассматриваемая формулировка включает в себя понятие «менеджизм», а не «менеджмент». Таким образом, речь идет не об управлен-

ческой деятельности, а о специфической теоретической позиции, в соответствии с которой политика трактуется как менеджмент. При подобном подходе политика зависимости от масштаба решаемых задач выступает либо как администрирование, сфокусированное на регулировании конкретного общественного сегмента, либо как всеохватывающая социальная инженерия, конструирующая институты и, соответственно, определяющая фундаментальные организационные принципы и траекторию развития общества в целом. В любом случае, содержанием политики является рациональное, научно обоснованное действие по решению социальных проблем. Данная позиция обозначается как «менеджеризм в политической мысли», и именно ее предпосылки, основания и теоретические следствия являются предметом рассмотрения в настоящей статье.

Несмотря на то, что идея рационального управления обществом далеко не нова и сам управленческий подход опирается на мощную историческую традицию, только в XIX в. создание на его основе новой науки о политике приобрело характер жизненно необходимой задачи, а стремление ее решить стало стимулом политических исследований нескольких поколений ученых. В связи с выдвинутыми на рубеже XIX–XX вв. идеями «онаучивания» политики и превращения ее на этой основе в теорию и практику социального управления обычно вспоминают крупнейших мыслителей позитивистской и прагматистской ориентации – Эмиля Дюркгейма, Питирима Александровича Сорокина, Джона Дьюи и др. Наряду с ними следует упомянуть имена и не столь известных, однако не менее значимых для данного направления исследователей – таких, как Гаэтано Моска, Чарльз Эдвард Мерриам, Гарольд Лассуэлл. Они разработали теоретически и практически значимые проекты, оказавшие существенное влияние на становление и развитие менеджеризма в политической мысли как особого взгляда на политику, ее сущность, задачи и перспективы. Не имея возможности детально анализировать эти учения, ограничимся кратким упоминанием наиболее существенных аспектов, заложивших основы аксиоматики менеджеризма.

На первое место, пожалуй, следует поставить идею тотальной значимости научно организованного разума. При всем различии конкретных теорий неизменным в менеджеризме остается универсальное требование обязательного, осознанного, целенаправленного следования императивам рациональности. Данная задача ставится и перед политикой – она выражается в требованиях исключения субъективизма и ситуативности и подчинения политических решений и действий научно обоснованным принципам и нормам. Так, глава Чикагской школы политической науки Ч. Мерриам, полностью поддерживая Дж. Дьюи в его стремлении максимально распространить научные методы в политике, разработал специальную программу обучения гражданственности, которая предполагала не только систематическое эмпирическое изучение политических процессов, но и широкое образование населения, прививающее обычным людям, вынужденным участвовать в политике, навыки научного подхода к оценке политических альтернатив [3, 5].

Особое место в рассматриваемых теориях занимает тезис о наличии фундаментального социального согласия: именно оно объявляется объективно необходимым, в то время как столкновения и антагонизмы, раздирающие общество, трактуются лишь как следствие дефицита разумности в понимании мотивов и интересов политических акторов, – дефицита, вполне преодолимого путем сциентизации управления. Само применение научно обоснованных методов способно служить основой как объединения и сплочения народа, так и легитимации верховной власти. Это происходит в силу того, что политические институты и политический курс, став рациональными, получают право на поддержку со стороны народа. Столь же достойной поддержки оказывается и учреждающая эти институты власть – ведь главной ее характеристикой становится «разум, способный подняться до понимания больших общих интересов и найти наилучший путь к их реализации» [9, с. 13–14]. Ведь при выборе между альтернативными вариантами правительство подчиняется алгоритмам рациональности

и, следовательно, гарантированно предпочитает наиболее эффективные решения. Поэтому, к примеру, Эмиль Дюркгейм был убежден, что местом принятия судьбоносных для общества решений должен быть не парламент, а научная лаборатория, создающая оптимальные условия для определения наилучшего варианта решения социальных проблем [4, с. 264].

В начале XX в. ожидания от сциентизации политики были весьма высоки. Такая переориентация должна принести весьма впечатляющие плоды, наиболее важным из которых является максимальное снижение неопределенности и непредсказуемости, уменьшение рисков и, в итоге, существенный рост управляемости в политике [8, с. 608–609]. Так, Мерриам с воодушевлением писал о том, что в случае «разумного регулирования и применения научных категорий ко все более важным силам социального и политического контроля» [5, с. 166] возможности управления поистине безграничны: например, «можно проанализировать типы консерватора и радикала и ... даже воспитать нужное количество тех или других с помощью соответствующего обращения и воздействия – физического, психического или экономического» [5, с. 176].

Итак, практическим следствием рационализации политики является повышение манипулятивного потенциала, позволяющего и оказывать влияние на поведение людей в конкретных ситуациях, и целенаправленно формировать лояльность к верховной власти, и избегать социальных катаклизмов. Сциентизация политики позволит справиться с «наследием неразумного прошлого» и занять причитающееся ей по праву место, – а именно, стать социальным управлением и, как писал Моска, «найти способ неспешно трансформировать общество, не допуская упадка и избегая насильственных кризисов» [9, с. 24].

Для спецификации менеджериализма как направления политической мысли наиболее важен принцип базового социального консенсуса. В этом вопросе принципиально расходятся приверженцы и оппоненты управленческого подхода к политике. В том случае, когда политика и управление разграничиваются, противопоставление ведется именно по данному критерию: для политики существенна борьба социальных групп, обладающих конфликтующими интересами, в то время как для управления принципиальное значение имеет совпадение интересов, позволяющее вырабатывать оптимальные пути решения проблемы, планировать и контролировать их выполнение, комбинировать ресурсы и координировать усилия. Менеджериализм, не проводя подобного различия, фактически распространяет действенность административного подхода и, соответственно, его оснований, на область политики, подчиняя ее принципу основополагающего консенсуса.

Философским основанием различия данных позиций служит отнесение к сущности политики либо конфликта, либо консенсуса: конфронтационные трактовки признают неустранимость социального противостояния, при котором интересы одной части общества оказываются доминирующими, подавляя или, в более мягкой версии, отесняя на задний план интересы других. В отличие от них, солидаризм исходит из приоритета единства интересов. Соответственно, межгрупповые противоречия и борьба за власть оказываются менее существенными по сравнению со стремлением к общему, надгрупповому и надиндивидуальному, благу, которое и служит конститутивным элементом социальности. Конечно, наряду с крайними точками зрения – «суть политики заключается в столкновении воли и интересов» и «суть политики состоит в реализации общей воли» – есть целый спектр теорий, занимающих среднюю позицию и признающих принадлежность к политической сфере обеих сторон альтернативы. Однако подобное совмещение не снимает необходимости ответа на вопрос, что именно – базовый конфликт или базовый консенсус – является доминантой.

Итак, консенсусный подход – фундаментальная установка менеджериализма. Однако следует подчеркнуть, что в рамках данного подхода объединены теории с далеко не во всем совпадающими позициями. Так, различие проявляется в объяснении причин и источников социального единства. К примеру, в натуралистических подходах базовый

консенсус объясняется природными, а в культурологических – социальными факторами. Можно упомянуть и различие в вопросе о пределах рационального конструирования при управлении обществом. К примеру, при натуралистических установках, усматривающих причину единства в организмическом характере объединения индивидов и переносящих по аналогии принципы самоорганизации и самокоррекции живых систем в сферу социального управления, рациональность ограничивается познанием принципов функционирования общества и посильным содействием процессам его саморегулирования. Если же основой социальности и, соответственно, консенсуса признаются надприродные, ценностные основания, то возможности рационального инженерного вмешательства оказываются неизмеримо большими: социальные регуляторы, заставляющие людей действовать в соответствии с ценностями, доступны не только рациональному осмыслению, но и рациональному преобразованию.

В рамках менеджериума в политической мысли различным образом решается вопрос о степени универсальности тех принципов, которые образуют фундамент базового консенсуса. На одном полюсе – теории, признающие, что основания согласия «работают» только в рамках отдельного сообщества. В соответствии с данной позицией, консенсус присущ любому социуму, и в этом все общества схожи, но конкретные основания и содержательные характеристики согласия специфичны для каждого народа. На другом полюсе – позиция, не ставящая базовое согласие в зависимость от народа, культуры, эпохи и иных факторов. В данном случае считается, что консенсус обусловлен общечеловеческими универсалиями – объективностью законов, значимых для всех обществ, и/или принципами рациональности, едиными для всех существ, наделенных разумом.

Соответственно, данные – полярные по сути – подходы по-разному проводят легитимацию политических решений и действий. В первом варианте центральное место среди оснований легитимности занимает соответствие культурной традиции конкретного народа, во втором – неоспоримость социальных законов и соответствие критериям рациональности. Особо надо подчеркнуть, что при универсалистской позиции аргумент общезначимости применяется и к конкретному решению, и к критериям определения правильности выбора между альтернативами. Действительно, если мерилom служит наибольшее соответствие социальным законам, то решение становится легитимным, если отвечает данному критерию. Когда легитимность достигается благодаря инвариантному характеру рациональности, то ее основания еще более прочные: ведь если структуры разума и, соответственно, правила логической обработки эмпирического материала у всех людей одинаковы, то, имея одни и те же факты, рационально мыслящие индивиды должны прийти к единому выводу о том, какой из вариантов решения конкретной проблемы является оптимальным.

Итак, попытаемся сформулировать основные следствия, вытекающие из управленческого подхода к трактовке политики.

Первое. Позиция менеджериума обосновывает возможность объективной оценки политических действий, решений, фактов с позиций рациональности и эффективности. Эта оценка претендует на общезначимость – с ней неизбежно должны согласиться все люди, независимо от их личных или групповых пристрастий, – просто постольку, поскольку они являются разумными существами и не могут не принять истинность суждений, доказанную строго научными методами. Таким образом, процессы социального регулирования выводятся из сферы противоборства между различными группами интересов в область строго научного исследования, а слой, ответственный за управление, оказывается «политически невинным» – ценностно нейтральным, действующим в интересах всего общества, причем оптимальным способом. Следовательно, его действия могут оцениваться только с позиций эффективности, но не с точки зрения политической ангажированности.

Второе. Поскольку благодаря научной основе оказывается возможным получать решения, которые являются бесспорно наилучшими и потому пользуются всеобщим одобрением, постольку качество политических решений ставится в зависимость от надежности исходных данных и строгости методов их обработки. Тем самым на первый план выходит задача обретения релевантного инструментария, позволяющего получить полную и достоверную информацию и обеспечить корректность ее анализа.

Таким образом, в деле определения политического курса фокус смещается с держательской стороны на технологическую – со всеми вытекающими из этого последствиями. К подобным последствиям, в частности, относятся деидеологизация политики и перевод политического действия в плоскость административного решения; ориентация на эффективность, которая служит мерилем успешности управленческих решений; признание приоритета формы и алгоритма над качественной спецификой объекта; трансформация представлений о политическом классе – выдвижение меритократической идеи техноструктуры, объединяющей знание и власть.

Третье. Поскольку поиск подобного инструментария требует устранения субъективизма как из политического познания, так и из практики принятия политических решений, постольку оказываются возможными два сценария. При первом ценностные ориентации выносятся за скобки, и вместе с этим идеологические, моральные, религиозные факторы лишаются права влияния на политический выбор. При втором определенный набор ценностей признается в качестве единственно легитимного, в то время как все остальные жизненные позиции маргинализируются, вытесняются в сферу неразумного и неприемлемого. Соответственно, все движения, направленные на изменение основ политической системы, принципиально лишаются возможности политического влияния – оппозиционные и протестные движения исключаются из политической практики. Тем самым происходит то, что Г. Маркузе назвал «институционализацией господства».

И четвертое – еще один ракурс проблемы, достойный упоминания. Технологизация, неизменно сопутствующая рационализации, увеличивает нормативную нагрузку: увеличение роли стабильных регуляторов повышает жесткость правил и приводит к росту их количества. Изменения становятся все более затрудненными. Как следствие, возникает обратный эффект – снижение адаптивных возможностей системы и скорости ее реагирования на внешние вызовы. В свою очередь, это приводит к расширению девиантности и снижает эффективность регулирования. А в условиях недопустимости оппозиционных проектов спектр возможных решений ограничивается внутренними системными параметрами. В этом случае говорить о политической нейтральности управления представляется также вряд ли оправданным.

Таким образом, важно подчеркнуть, что менеджеризм, утверждая и всемерно продвигая идею утраты государством политического характера, концептуализирует его в качестве «сервисного института» – гаранта общего блага и представителя интереса всех граждан. Трактовка политики как менеджмента и перевод политического действия в плоскость административного решения в теории позволяет снять вопрос о классовых и групповых интересах и выдвинуть на первый план задачу совершенствования технологии правления – например, более полного учета интересов и позиций меньшинства или отработки алгоритмов выбора наиболее эффективных путей реализации политического курса. Однако такой подход порождает значительное количество теоретических и практических вопросов, нуждающихся во всестороннем обсуждении и изучении.

Список литературы

1. Бойцова О. Ю. Политика как менеджмент. Проекты научного управления обществом в западной политической мысли начала XX в. / О. Ю. Бойцова // *Философия политики и права* : ежегодник научных работ / под общ. ред. проф. Е. Н. Мошелкова и проф. О. Ю. Бойцовой ; научные редакторы А. В. Никандров и К. И. Кийченко. – Москва : Центр стратегической конъюнктуры, 2014. – Вып. 5. Политика и политическое. – С. 51–64.
2. Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер. – Москва : Прогресс, 1990. – 808 с.

3. Дьюи Дж. Демократия и образование / Дж. Дьюи. – Москва : Педагогика-Пресс, 2000. – 384 с.
4. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм. – Москва : Канон, 1995. – 352 с.
5. Мерриам Ч. Новые аспекты политики / Ч. Мерриам // Социально-политический журнал. – 1996. – № 5. – С. 163–182.
6. Мирзоян В. А. Управление как предмет философского анализа / В. А. Мирзоян // Вопросы философии. – 2010. – № 4. – С. 36–47.
7. Политическая наука: новые направления / под ред. Р. И. Гудина. – Москва : Вече, 1999. – 816 с.
8. Политлексикон: понятия, факты, взаимосвязи : на основе нем. справ. Schubert/Klein. Das Politiklexikon / под ред. В. П. Любина, Р. Крумма. – Москва : Российская политическая энциклопедия, 2013. – 783 с.
9. Рахшмир П. Ю. Идеи и люди. Политическая мысль первой половины XX в. / П. Ю. Рахшмир. – Пермь : Пермский государственный университет, 2001. – 272 с.
10. Сорина Г. В. Принятие решений как интеллектуальная деятельность / Г. В. Сорина. – Москва : «Канон+» ; «Реабилитация», 2009. – 272 с.
11. Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология» / Ю. Хабермас. – Москва : Практис, 2007. – 208 с.
12. Brunner R. D. Introduction to the Policy Sciences / R. D. Brunner // Policy Sciences. – 1997. – Vol. 30, no. 4, pp. 191–215.
13. Kirkeby O. F. Management philosophy: a radical-normative perspective / O. F. Kirkeby. – Heidelberg : Springer, 2000. – 274 p.
14. Lasswell H. D. On The Policy Sciences in 1943 / H. D. Lasswell // Policy Sciences. – 2003. – Vol. 36, no. 1, pp. 71–98.

References

1. Boytsova O. Yu. Politika kak menedzhment. Proekty nauchnogo upravleniya obshchestvom v zapadnoy politicheskoy mysli nachala XX v. [Politics as management. Projects scientific management of society in Western political thought at the beginning of the twentieth century.]. *Filosofiya politiki i prava : ezhegodnik nauchnykh rabot* [Philosophy of Politics and Law. Proceedings], Moscow, Tsentr strategicheskoy konyunktury Publ., 2014, issue 5. Politics and political, pp. 51–64.
2. Veber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works], Moscow, Progress Publ., 1990. 808 p.
3. Dyui Dzh. *Demokratiya i obrazovanie* [Democracy and Education], Moscow, Pedagogika-Press Publ., 2000. 384 p.
4. Dyurkgeym E. *Sotsiologiya. Yee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its object, method, purpose], Moscow, Kanon Publ., 1995. 352 p.
5. Merriam Ch. Novye aspekty politiki [New aspects of policy]. *Sotsialno-politicheskiy zhurnal* [Social and Political Magazine], 1996, no. 5, pp. 163–182.
6. Mirzoyan V. A. Upravlenie kak predmet filosofskogo analiza [The management as a subject of philosophical analysis]. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], 2010, no. 4, pp. 36–47.
7. Gudin R. I. (ed.) *Politicheskaya nauka: novye napravleniya* [Political science: new directions], Moscow, Veche Publ., 1999. 816 p.
8. Lyubin V. P., Krumm R. (ed.) *Politleksikon: ponyatiya, fakty, vzaimosvyazi : na osnove nem. sprav. Schubert/Klein. Das Politiklexikon* [Politleksikon: concepts, facts, relationships. On the basis of the German directory Schubert / Klein. Das Politiklexikon], Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya Publ., 2013. 783 p.
9. Rakhshmir P. Yu. *Idei i lyudi. Politicheskaya mysl pervoy poloviny XX v.* [Ideas and people. Political thought the first half of the XX century], Perm, Perm State University Publ. House, 2001. 272 p.
10. Sorina G. V. *Prinyatie resheniy kak intellektualnaya deyatel'nost* [Decisions as intellectual activity], Moscow, «Kanon+» Publ., «Reabilitatsiya» Publ., 2009. 272 p.
11. Khabermas Yu. *Tekhnika i nauka kak «ideologiya»* [Engineering and Science as "ideology"], Moscow, Praktis Publ., 2007. 208 p.
12. Brunner R. D. Introduction to the Policy Sciences. *Policy Sciences*, 1997, vol. 30, no. 4, pp. 191–215.
13. Kirkeby O. F. *Management philosophy: a radical-normative perspective*, Heidelberg, Springer Publ., 2000. 274 p.
14. Lasswell H. D. On The Policy Sciences in 1943. *Policy Sciences*, 2003, vol. 36, no. 1, pp. 71–98.